

Алерамо опубликует в Италии несколько статей о Равицце: *Alessandrina Ravizza*, „Il Marzocco“ (XX), 5, 31 gennaio 1915; *Alessandrina Ravizza*, „L'unità“ (XXIII), 175, 28 luglio 1946; *I poveri la chiamavano „Contessa del brodo“*, „Il progresso d'Italia“, 3 maggio 1948.

³⁴ Николая Лазаревского, в то время занимавшего пост проректора Петроградского университета, обвинили в причастности к заговору Таганцева — вымышленной контрреволюционной организации, «разоблаченной» ЧК в Петрограде. Среди более чем шестидесяти расстрелянных по этому делу был и поэт Николай Гумилев.

³⁵ Единственный след, который нам удалось найти, — «библиографический»: Лазаревская перевела книгу Гамсуна, вышедшую в 1924 г. (К. Гамсун, «Последняя глава». Роман. Перевод Е. Л. Вейнбаума и Е. М. Лазаревской. Петроград: Библиотека художественной литературы, 1924).

³⁶ Сибилла Алерамо, «Стихи». Перевод с итальянского В. Соловьева. Предисловие Б. Всеволодова. Москва: Издательство Иностранной Литературы, 1952. Стихотворения взяты из книги «*Aiutatemi a dire. Nuove poesie 1948–1951*» («Помогите мне сказать. Новые стихи 1948–1951»), опубликованной в Риме в 1951 г.

³⁷ Sibilla Aleramo, «*Russia alto paese*», Roma: Italia-URSS Editrice, 1953.

А. Л. Соболев
**Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник
сборника «Щит»**

В первых числах марта 1916 года Вячеслав Иванов работает над текстом, в жанровом отношении представляющим собою краткий мемуар, а в функциональном — набросок показаний для третейского суда. Нижеследующие заметки представляют собой опыт комментария к этому сочинению:

«Честь имею, в ответ на письмо ко мне Разумника Васильевича Иванова, помеченное датой 1 марта и полученное мною 5 марта 1916 г., представить третейскому суду по делу между Ф. К. Сологубом и С. В. Познером нижеследующие свидетельские показания.

В бытность мою в Петрограде в последних днях ноября и первых декабря 1914 года, в самый день моего отъезда в Москву, посетили меня для переговоров по новому для меня делу Ф. К. Сологуб, Ан. Н. Чеботаревская и З. И. Гржебин. Они сообщили мне о предполагаемом [ими] издании сборника статей не-еврейских авторов по еврейскому вопросу и просили меня содействовать им, как в форме литературного сотрудничества, так и путем привлечения к участию в сборнике некоторых [московских профессоров и ученых] москвичей. Этот благотворительный сборник должен был, по мысли инициаторов, способствовать пробуждению в широких общественных кругах сочувственного внимания как к положению евреев в России, так и к еврейству вообще. В ряде независимых русских освещений общественности должно было почерпнуть импульс к достоверной и углубленной проверке сложившихся в нем навыков в воззрениях [взглядах] на еврейство и в социально-психологическом к нему отношении, — тем более, что эти

освещения и оценки, — свободные, разносторонние, отнюдь не нивелированные никакими общими директивами и объединенные лишь чувством неудовлетворительности современного положения и хотя бы частичными признанием за еврейством некоторых положительных ценностей — должны быть представлены людьми, пользующимися среди читателей доверием к самостоятельности их мыслей и к искренности их действий.

Желательны были статьи идеологические наравне с общественно-практическими, общие характеристики наряду со специальными рассмотрением отдельных сторон еврейства (напр., его места в музыке); нежелательно было только одиозное по отношению к еврейству.

Я обещал свое сотрудничество и содействие в смысле привлечения некоторых москвичей к участию в сборнике. Среди совместно намеченных нами лиц был и Н. А. Бердяев, который, когда в Москве я изложил ему взятое на себя поручение, тотчас сочувственно согласился дать в сборник свою статью.

В [начале] [весной] Уже, по моему, весной 1915 года посетил меня в Москве С. В. Познер, по делу о сборнике «Щит». С первых же слов выяснилось, что обещание дать статью в сборник, долженствовавший появиться в издании Гржебина, нисколько не связывает меня по отношению к «Щиту»: это было мне важно установить, чтобы оправдать свое промедление, п.ч. за статью я все не успевал приняться. По существу же, издатели «Щита», насколько я мог понять, руководствовались теми же принципами, как и зачинатели первоначально предположенного [сборника] издания. Я обязался не медлить с написанием статьи, тема которой была одобрена С. В. Познером, как интересная для сборника. Обсуждая проект моей статьи, мы заговорили о близости к ней по содержанию статьи Н. А. Бердяева, уже сданной в типографию, но мне неизвестной, и о пунктах нашего с ним расхождения, которое я предвидел, хорошо зная проходимость им этап религиозно-философских исканий. Говорили мы об этом расхождении совершенно теоретически, без всякого отношения к практической стороне дела. Меня интересовало это расхождение отнюдь не в связи вопроса о еврействе, но со своей богословской стороны: дело шло об оценке [еврейского] [библейского] ветхозаветного «наследия» христианства, и притом не в прошлом христианства (подозрительное отношение к этому наследию, как к [ложно-ой] ничтожной <?> части исторического христианства в прошлом было вне спора), но в судьбах нового христианского сознания, которое Н. А. Бердяев обрек <?> быть чистым религиозным имманентизмом, без примеси библейского трансцендентизма. Мне хотелось, в целях ориентирования предполагаемой статьи, ознакомиться со статьей Н. А. Бердяева, и С. В. Познер любезно разрешил мне

вытребовать из типографии рукопись ее для прочтения, что, уже по его отъезде, было мною сделано: рукопись я прочел и по прочтении возвратил в типографию. В рукописи статьи я нашел пламенное обличение антисемитизма, высокую и глубокомысленную оценку религиозной стихии еврейства и, как я ожидал, указание на необходимость преодоления в христианстве грядущем захвата библейского трансцендентизма. Ни на мгновение не приходило мне в голову, что эта религиозно-философская проблематика (которую я радикально различаю от антисемитской идеологии Чемберлена и других националистических «нрзб» арийского начала) имеет отношение к политике или психологии еврейского вопроса ибо основа ее не националистическая, а чисто метафизическая, даже не культурно-историческая как у Чемберлена. И потому я был удивлен отсутствию <?> статьи Бердяева в «вышедшем» Щите и слухами о недоразумениях [по поводу участия Н. А. Бердяева в «Щите»] связанных с Щитом. Прибавлю что входя 9 дек 1915 г. в квартиру Ф. К. Сологуба на Разъезжей я застал его у телефона, занятым какими-то решительными переговорами в которых часто поминалось имя Бердяева; [оставив телефон] Ф. К. Сологуб объявил «объяснил?» мне, что дело идет о его выступлении в защиту Н. А. Бердяева¹.

История, увенчавшаяся выходом тремя изданиями литературного сборника «Щит»², началась в октябре 1914 года³. Леонид Андреев, проходивший курс лечения в Петроградской клинике И. Л. Герзони, попросил последнего подобрать ему материалы по вопросу притеснения евреев в связи с войной; тот обратился к своему приятелю И. О. Абельсону, который, в свою очередь, организовал знакомство Андреева с издателем и журналистом Соломоном Владимировичем Познером⁴. Во время состоявшейся беседы и двух последовавших за нею встреч обсуждалась необходимость собрания писателей для дискуссии по еврейскому вопросу; косвенным же следствием их явилась статья Андреева «Первая ступень», напечатанная в конце ноября⁵.

Это выступление получило широкий общественный резонанс, но для дальнейшей истории принципиальное значение имеет одна частная реакция: статью с вниманием прочла Анастасия Николаевна Чеботаревская. Чувствительное сердце в сочетании с холерическим темпераментом заставляло ее бурно реагировать на всякую творящуюся несправедливость; сила впечатления от изложенных Андреевым фактов была такова, что дело помощи евреям стало на ближайшие месяцы для нее (и, как не раз уже бы-

вало, для ее мужа) основным содержанием жизни. В меморандуме 1916 года Сологуб сухо констатирует: «В конце 1914 г. у Анс. Н. Чеботаревской по прочтении статьи Л. Андреева возникла мысль об издании сборника статей по еврейскому вопросу, и она вместе со мною обратилась к издателю журнала «Отечество» З. И. Гржебину»⁶. Разговор этот, по всей вероятности, происходил 28 или 29 ноября, поскольку уже 30-го Гржебин, Сологуб и Чеботаревская приехали обсуждать состав гипотетического сборника с собирающимся обратно в Москву Вячеславом Ивановым⁷. Судя по изложенным им впоследствии подробностям, план альманаха был уже готов в деталях, доходящих до такой степени, что он, уезжая, получил наказ ангажировать для него вкладчиков, что и исполнил, как минимум, в отношении Бердяева.

Тем временем конфигурация учредителей сборника претерпевает существенные изменения: вероятно, при посредстве Гржебина обсуждается план соединения инициатив Андреева и Сологубов с привлечением мощного союзника — Горького. Несмотря на сложную и избыточную взаимными неудовольствиями историю тройственных отношений⁸, фон конца 1914 года достаточно благоприятен для заключения временного перемирия: Сологуб не так давно приветствовал возвращение Горького в Россию⁹ и одобрительно отозвался о нем в собственном журнале¹⁰. Предварительное собеседование было проведено во время шестичасовой встречи Горького и Андреева в первых числах декабря в Мустамяках¹¹, а организационное заседание складывающегося общества было назначено на начало второй декады декабря в квартире адвоката Самуила Еремеевича Кальмановича¹². Присутствовавший на этом заседании Познер вспоминал: «Явившись на другой день к Кальмановичу, я застал там М. Горького, З. И. Гржебина и М. Л. Тривуса. Вскоре пришел П. Е. Щеголев, — и в самом конце совещания, когда беседа подошла к концу, Ф. К. Сологуб и А. Н. Чеботаревская. М. Горький внес на обсуждение собравшихся три предложения: устройство анкеты среди представителей науки, литературы, искусства и практической жизни России по еврейскому вопросу, устройство анкеты о последствиях мировой войны среди выдающихся ученых и писателей-евреев на Западе и устройство лиги для борьбы с антисемитизмом. <...> О принятых решениях и было сообщено г.г. Сологубам, пришедшим, как я сказал, в самом конце»¹³.

14 декабря¹⁴ состоялось следующее заседание, на этот раз — в квартире Сологуба и Чеботаревской на Разъезжей. Познер свидетельствовал: «Присутствовали: М. Горький, П. Е. Щеголев, М. Л. Тривус, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, М. М. Винавер, З. И. Гржебин и я. Обсуждались представленные проекты опросных листов М. Горького, М. Л. Тривуса, П. Е. Щеголева и мой. Была избрана комиссия в составе Овсяннико-Куликовского, М. М. Ви-

навера и меня для окончательной редакции опросного листа. На этом же заседании было постановлено, что анкетный сборник должен, наряду с ответами, содержать и ряд статей по еврейскому вопросу и, вследствие снова возбужденного М. Горьким вопроса об образовании лиги для борьбы с антисемитизмом, созвать совещание из представителей науки, литературы и политических кругов для выяснения вопроса»¹⁵.

Последующие несколько дней посвящены энергичной и разнонаправленной деятельности участников будущего общества: одни редактируют анкету, другие — готовятся писать воззвание к русскому народу¹⁶. Следующую встречу назначили на 21 число у М. М. Винавера, но, по неизвестным причинам, она была перенесена на 23-е в квартиру Н. Я. Кетчера. «Председательствовал А. И. Шингарев. От имени организаторов собрания выступали Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. Соображения о практических мероприятиях были развиты в речи М. Горького. Оживленные споры вызвало сделанное им и горячо поддержанное Л. Н. Андреевым предложение об обращении к обществу с воззванием по еврейскому вопросу. Решено было — избрать бюро в лице трех писателей-инициаторов собрания и предложить им представить к следующему собранию проекты воззваний»¹⁷. На другой день или через день Сологуб от имени бюро просил Познера принять на себя секретарские обязанности, на что тот изъявил свое полное согласие.

На следующем собрании, которое произошло 27 декабря, впервые обсуждался персональный состав авторов будущего сборника. «Присутствовали на нем Л. Н. Андреев, Ф. К. Сологуб, А. Н. Чеботаревская, З. И. Гржебин и я <т.е. Познер>. На этом заседании было уже от имени бюро принято постановление, что анкетный сборник должен, помимо ответов, содержать и статьи, причем для статьи на тему о роли евреев в религии и философии наметили одним из авторов Н. Бердяева (протокол заседания при сем прилагается). Ф.К. выразил готовность снести с последним, равно как и с некоторыми другими из намеченных участников сборника»¹⁸.

Сологуб должен был помнить, что у него уже достигнута предварительная договоренность с Вяч. Ивановым и с ним же передано приглашение Бердяеву; другое дело, что структура и идеологический контекст будущего сборника с тех пор изрядно трансформировались. Тем временем приглашения потенциальным участникам альманаха рассылают и другие соучредители: так, Бунину было предложено редактирование сборника, от чего он энергично отказался: «в сборнике приму участие с удовольствием, если, конечно, напишу что-нибудь подходящее, но редактировать его не берусь и прежде всего потому, что не вижу причин для Вашего отказа от редактирования»¹⁹.

4 января 1915 года вновь собрались в квартире у Сологубов. «Вниманию собравшихся было предложено три проекта — М. Горького, А. В. Карташева и Ф. Сологуба. Проект воззвания, представленный М. Горьким, был признан несоответствующим тогдашним цензурным условиям и потому не отвечающим заданию, ибо собрание сошлось на том, что воззвание должно быть составлено так, чтобы его можно было напечатать в газетах. Вместе с тем, по предложению Л. Н. Андреева, было выражено пожелание, чтобы этот текст воззвания получил распространение. Из двух других проектов было отдано предпочтение проекту Ф. К. Сологуба с тем, что в его текст будут внесены изменения»²⁰.

На субботу 17 января было назначено общее собрание, в преддверии которого приглашения были разосланы большой группе лиц: сохранилась, в частности, телеграмма Горького, адресованная Н. Д. Телешову²¹; аналогичная, отправленная Бунину, не разыскана, но существование ее несомненно, поскольку сам адресат прибыл в этот день в квартиру на Разъезжей: «Заседание у Сологуба. Он в смятых штанах и лакированных сбитых туфлях, в смокинге, в зеленых шерстяных чулках. Как беспорядочно несли вздор! «Вырабатывали» воззвание в защиту евреев»²². Вероятно, на этом же собрании присутствовал М. М. Пришвин, оставивший в дневнике ретроспективную запись о пребывании в Петрограде во второй половине января: «Оставшиеся впечатления: обсуждение еврейского вопроса у Сологуба, встреча с Андреевым и Горьким. Блок у Сологуба»²³. В этот вечер было принято принципиальное решение о разделении сборника с ответами на анкеты и альманаха с художественными и публицистическими текстами по еврейскому вопросу: «<...> М. Горький в виду того, что, как выяснилось, надежды на скорый выход в свет анкетной книги не было никакой, выступил с предложением составить наскоро хотя бы небольшой сборник статей и беллетристических произведений агитационного характера по еврейскому вопросу. Срок на представление материала он предлагал дать двухнедельный, а чтобы закрепить согласие присутствующих литераторов, он предложил им расписаться на листе бумаги (этот лист с подписями при сем прилагается)»²⁴.

На следующие две недели организаторы ассоциации (за которой тем временем закрепилось имя «Русского общества изучения еврейской жизни»²⁵) разъехались по разным городам; шанс встретиться был у четы Сологубов и Горького, дважды приглашавшего их на блины в свое финское имение²⁶; откликнулись ли они на это приглашение — неизвестно. А с первых чисел февраля деятельность общества неожиданно становится кипучей: 3-го февраля печатается «Анкета об евреях»²⁷, а еще четыре дня спустя Познер присылает Сологубу на утверждение проект состава будущего сбор-

ника²⁸. За исключением уже готовой к печати «Первой ступени» Андреева в реестре значились обещанные работы Бердяева и Булгакова о значении евреев в религии и философии, исследования В. В. Водовозова, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, И. Х. Озерова, В. Д. Набокова и В. А. Мякотина. Заметно отсутствие в этом списке статьи Вяч. Иванова, приглашенного одним из первых — и, судя по всему, эта лакуна была очевидна не только для нас, ибо два дня спустя, 9 февраля, А. Чеботаревская отправила Иванову письмо с напоминанием:

«Дорогой Вячеслав Иванович, еще раз очень прошу Вас и Н. А. Бердяева, от лица всего нашего Комитета возможно скорее прислать статьи на темы, о кот<орых> мы с В<а>м<и> беседовали в день Вашего отъезда. ФК тоже пишет В<а>м по этому поводу. Мы здоровы и много работаем. А Вы? Здоров ли Димочка?»²⁹.

В конце зимы и начале весны общество проводит несколько резонансных мероприятий разного масштаба — от многолюдного собрания в квартире Сологуба 23 февраля (П. Н. Малянтович читал доклад «Русский вопрос о евреях»³⁰) до триумфального вечера в пользу еврейского комитета в Театре музыкальной драмы 6 марта³¹. 1 марта в нескольких газетах было напечатано воззвание в защиту евреев от поражения в правах, украшенное подписями двухсот с лишним писателей и общественных деятелей³². Между тем, материал, заказанный для сборника, поступал весьма вяло, так что к концу апреля портфель редакции не был полон даже наполовину. «Посему на последнем собрании бюро перед летним разездом, состоявшимся у меня <Познера> в последних числах апреля, на котором присутствовали Л. Н. Андреев, М. Горький, Ф. Сологуб и А. Н. Чеботаревская, я предложил приступить безотлагательно к изданию сборника, который мы имели в виду, говоря о «книге воззваний», включив в него, в виду недостаточного количества поступивших рукописей, также те статьи и беллетристические произведения, которые за время войны появились в периодической печати, — конечно, по еврейскому вопросу»³³. В надежде ангажировать для сборника новых авторов Познер собрался ехать в Москву; попутно он, движимый соображениями сравнительной мягкости московской цензуры, намеревался подыскать здесь типографию для альманаха. За несколько дней до отъезда он зашел к Сологубу и Чеботаревской — те собирались отправиться на все лето в Ярославскую губернию и торопились закончить петербургские дела. Они обсудили собранный к тому времени материал для сборника, Познер выбрал из нескольких предложенных Сологубом стихотворений одно и утвердил к печати его небольшой прозаический этюд под названием «Вечный жид»³⁴. Вероятно, накануне его отъезда Чеботаревская отправила Иванову краткую записку, подтверждающую полномочия

петербургского посланца: «Дорогой Вячеслав Иванович, к В<a>м зайдет С. В. Познер, н<a>ш секретарь — если у В<a>с есть что для сборника, о кот<ором> он скажет — статья, стихи — дайте»³⁵. Перед самым отъездом Сологубы получили по почте заказанную статью Бердяева, и Чеботаревская немедленно переслала ее Познеру. Тот не придал ей особенного значения: «Каюсь, ни в Петрограде, ни в пути, ни, тем более, в Москве, где, кроме исполнения указанных поручений я занимался еще вербовкою сотрудников для сборника, для чего посетил гг. Вересаева, Вяч. Иванова, Кизеветтера, Кокошкина, Арцыбашева, гр. Ал. Толстого, Шмелева и, кажется, кого-то еще, я не успел прочесть ст. Н. Бердяева»³⁶. Это было роковой ошибкой, добавим мы от себя.

Московский поход Познера увенчался полным успехом: удалось договориться с типографией Мамонтова, а из посещенных им потенциальных авторов четверых удалось привлечь к участию в альманахе. Если считать, что работа над статьей Иванова «К идеологии еврейского вопроса»³⁷ была инспирирована открыткой Чеботаревской и/или визитом Познера, то можно датировать ее первой декадой мая, ибо уже 11 числа, по возвращении в Петроград, Познер рапортовал о получении манускрипта:

«Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Получил Ваше письмо со статьями Вашей и С. Н. Булгакова. Сегодня посылаю их в типографию. В интересах ускорения дела Вы разрешите не посылать Вам корректуры. Я ее прочитаю очень внимательно, так что никаких пробелов не будет. Ежели, все-таки, Вы считаете необходимым прочесть ее, будьте добры черкнуть пару строк, я сообщу в типографию, чтобы ее послали Вам»³⁸.

(Здесь нотабене. Вопрос об искренности чувств Иванова, энергично откликнувшегося на приглашение в альманах филосемитов (каковым манкировала изрядная часть званных), остается за пределами этих хроникальных заметок, тем более, что эта тема, впервые попавшая в фокус научного зрения в 1984 году³⁹, за последнее время обогатилась рядом ценных наблюдений⁴⁰, живых дискуссий⁴¹ и преданных печати документов⁴².)

Таким образом, к 15 мая некоторая часть материалов «Щита» находилась в мамонтовской типографии (и среди них — рукопись статьи Бердяева «Религиозная судьба еврейства»⁴³, которую оттуда извлекал и потом вернул Иванов), а часть досылалась туда из Петербурга почтой. Вопросами окончательного комплектования и корреспонденцией ведал Познер при участии А. М. Калмыковой, поскольку все остальные разъехались: Андреев отправился путешествовать по Оке, Горький почти безвыездно жил в Муштамяках, а Сологубы — в Ярославской губернии (с. Красное, усадьба Тих-

меневых). С очередной порцией корректур в начале июня из Москвы прибыла верстка статьи Бердяева. Почти год спустя Познер вспоминал последующие события: «<...> я прочел ее и нашел, что она не подходит для сборника ни по своему содержанию, ни по манере изложения, мало доступной для массового читателя, для которого предназначался сборник. В ближайший приезд М. Горького в город я показал ему статью и он признал, что помещать ее в сборник нельзя»⁴⁴.

В ретроспективных записях о случившемся Познер упоминает свои неоднократные попытки разыскать Бердяева и объясниться с ним; между тем в регулярных рапортах, которые он отправляет Сологубам этот сюжет не упоминается вовсе. 23 июня он, в частности, сообщает: «Наш сборник печатается. Выйдет большая книга страниц в двести. <...> Уже есть сорок различных статей и стихотворений, да от десяти, примерно, лиц еще ожидается материал. <...> Выйдет сборник в начале июля, не позднее 10–15, т.е. как раз к созыву Государственной Думы»⁴⁵. Примерно через неделю Познер отправляет Сологубу корректуры его собственных текстов, сопроводив их косметическим замечанием по поводу одного из них: «Мне кажется, что для того, чтобы сделать «Вечный жид» приемлемым для цензуры, надо исключить заключительную часть. Она критикует действия военных властей, а это недопустимо»⁴⁶.

Вопреки чаяниям, остаток лета проходит в типографских и цензурных хлопотах, усугубленных ожиданием важного участника — В. Г. Короленко обещал статью «Мнение мистера Джексона о еврейском вопросе», сопроводив ее требованием не опережать журнальной публикации, которая состоялась только в августе⁴⁷. За это время Познер по делам «Щита» трижды бывает в Москве, среди прочего предпринимая попытки разыскать Бердяева, чтобы объясниться с ним по поводу исключенной статьи, но тщетно — «его не было в городе и не было никого, кто мог бы дать <...> его адрес»⁴⁸. Для Сологуба эта задержка не была неожиданной: более того, отвергая запоздавшего вкладчика «Щита», он ссылается на несовпадение форматов, а не на более естественный довод хронологического свойства: «Сборник, о котором Вы пишете, имеет цель не столько благотворительную, сколько осведомительскую, он должен состоять из статей, стихов и беллетристических произведений, имеющих непосредственное отношение к еврейскому вопросу, чтобы таким образом ознакомить широкие круги читающей публики с положением евреев и привлечь к ним сочувствие»⁴⁹. 26 августа Познер шлет Сологубу оптимистическую реляцию: «Наш сборник готов и на днях уже выйдет в свет. Получилась большая книга в 13 печатных листов. Назначили мы цену в 1 рубль, чтобы сделать ее доступной среднему читателю. Печатали 5 тыс. экз., но делали матрицы. Если хорошо пойдет, пустим

второе издание. Чистый сбор с издания жертвуем в пользу Общества вспомоществования беднейшему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий»⁵⁰.

«Щит» вышел из печати в середине сентября⁵¹; в соответствии с распоряжениями Познера, редакторам-составителям было отправлено из типографии по десять экземпляров, а рядовым авторам — по три. 24 числа Познер сообщал Иванову:

«Многоуважаемый Вячеслав Иванович.

Сборник „Щит“, для которого Вы выразили любезное согласие предоставить статью «К идеологии еврейского вопроса», только теперь получился в Петрограде. На днях Вы получите 3 экземпляра его, о чем сделано распоряжение одному из московских складов, получивших эту книгу. Если Вы пожелаете получить еще экземпляры, будьте добры сообщить — и Ваше желание будет немедленно исполнено»⁵². Тем временем в Петрограде разразилась гроза.

Бердяев, получивший сборник одним из первых, не обнаружил там своей статьи, после чего обратился за разъяснениями к Сологубу: «Так как я получил от Вас приглашение написать статью по еврейскому вопросу и отправил статью Вам, то обращаюсь к Вам с просьбой объяснить мне, почему моя статья не была напечатана в сборнике и почему редакция сборника ничего мне не написала о судьбе моей статьи? Согласитесь, Федор Кузьмич, что образ действия редакции сборника относительно меня очень странный и недопустимый. Не могу придумать никакого объяснения, которое оправдывало бы такое отношение ко мне и моей статье. За всю мою литературную деятельность ничего подобного со мной не было. Я совершенно не допускаю мысли, чтобы заказанная мне статья могла быть не напечатана, и еще менее мог допустить, чтобы так было поступлено без всяких объяснений со мной. Если меня просят написать по еврейскому вопросу, то, значит, хотят услышать мое независимое мнение по этому вопросу» etc etc⁵³. Вероятно, это письмо, среди другой обширной корреспонденции, поджидало чету Сологубов в их Петроградской квартире утром 23-го сентября, когда они вернулись из Ярославской губернии — во всяком случае, отреагировали они незамедлительно.

«Узнав об их приезде, я позвонил им по телефону и попросил позволения придти поговорить о делах кружка. Меня попросили позвонить попозже. Вскоре затем мне позвонили с их квартиры, и сначала Ф. К., а за ним А. Н. обрушились на меня с упреками за то, что в «Щите» нет статьи Н. Бердяева. В этом они усмотрели проявление «самодержавия» со стороны М. Горького, а меня обвинили в слепом подчинении ему. Нападки были так

страстны, что я был лишен возможности сказать в ответ хоть одно слово. Поэтому, как только А. Н. повесила трубку, не дав мне сказать что-либо, я написал Ф. К. письмо, в котором изложил все обстоятельства дела, по возможности мягче, напоминая, что статья Н. Бердяева предназначалась, собственно, для другого сборника, анкетного, что решения бюро о включении ее в «Щит» — не было, что кружок только начинает свою издательскую деятельность, и всегда будет возможность напечатать ст. Н. Бердяева. В заключении я писал, что все время полагал, что поступаю добросовестно, и что у меня не было намерения причинять Ф. К. огорчения. Если же помимо воли причинил, прошу чистосердечно извинения»⁵⁴.

На следующий день, 24-го сентября, в середине дня произошло решающее объяснение: Познер, отправив с утра примирительное письмо Сологубу, приехал к нему лично и, по его собственному ощущению, действуя дипломатически, совладал с его неудовольствием: «гнев его улегся и мы расстались мирно»⁵⁵. Сошлись на том, что, дождавшись приезда Андреева, совет общества обсудит вопрос о включении статьи Бердяева во второе издание сборника, благо первое за несколько дней продаж практически разошлось. По мнению же Сологуба, высказанному им позже, эта встреча лишь выявила их принципиальные расхождения: «Прочитав внимательно и уже теперь отдельно от всего текста эти вменяемые в вину Бердяеву места, я не изменил своего мнения о статье: не обличая в авторе ревностного восхвалителя еврейства, и эти места в отдельности, как и вся статья в целом, произвели на меня впечатление высказывания свободной и просвещенной мысли, соединенной с несомненным для меня сочувствием к судьбе еврейства»⁵⁶. Таким образом, стороны разошлись, будучи уверенными в прямо противоположном — и стали действовать соответственно.

Познер, сочтя конфликт, по крайней мере, в острой фазе, исчерпанным, занимался новыми проектами общества, намереваясь вынести их на обсуждение в ближайшее заседание совета. Сологуб же, провидевший, судя по всему, за неловкой ситуацией с бердяевской статьей начало расхождения с Горьким, сознательно уклонялся от созыва совета. На этом фоне ключевой фигурой оказался Леонид Андреев, но он, в силу собственных обстоятельств, воздерживался от вступления в полемику, отвергая попытки обоих участников конфликта привлечь его на свою сторону. В меморандуме Познер описывает несколько безуспешных попыток добиться от Андреева личного свидания; одновременно Сологуб пишет ему письмо, также не возымевшее никакого действия: «Хотел сегодня поговорить с Вами по телефону, но мне сказали, что Ваш телефон не звонит. Я хотел прочесть Вам второе письмо Бердяева, т.к. оно, по его желанию, должно быть доведено до Вашего сведения. Следовало бы его обсудить в нашем совете, но т.к. Вы

в городе почти не бываете, то и Совету собраться не удастся. М. б. Вы сами позвоните по моему телефону — 106–44, чтобы я мог прочесть Вам это письмо»⁵⁷. В один из октябрьских дней в Петербурге оказался Бердяев и Познер, прознав о том, что он остановился в квартире П. Б. Струве, попытался его там навестить, чтобы объясниться, но не застал.

Тем временем сам Бердяев прислал Сологубу вполне примирительное послание: «Письмо Ваше вполне меня удовлетворило в том смысле, что после Ваших разъяснений я не могу считать Вас виноватым в неприятной истории с моей статьей. Думается, и относительно Вас было поступлено не вполне корректно. Этого принципиально возмутительного случая я не придам гласности только потому, что это может произвести впечатление «еврейского засилья» и повредить делу улучшения положения евреев в России, которого я горячо желаю»⁵⁸. Сологуб же, для которого центр тяжести конфликта переместился за пределы частного эпизода с бердяевской статьей, отнюдь не склонялся к компромиссу, ожидая от Познера (или даже скорее от Горького) решительных и деятельных извинений.

В начале ноября на хронологию этого сюжета наложился график лекционного турне Сологуба по провинции, что вызвало ожидаемые волнения в кругу лиц, прикосновенных к деятельности русско-еврейского общества. «Это известие обеспокоило меня», — вспоминал Познер, — «оно грозило новой отсрочкой деятельности кружка, — и я обратился по телефону к Ф. К. с просьбой собраться до его отъезда. От этого он уклонился, но сказал, что между 5 и 12 Ноября будет в Москве, и, если к этому сроку я соберу общее собрание, то он подъедет»⁵⁹. Одновременно активизировалась деятельность по подготовке второго издания «Щита», которое предполагалось расширить и дополнить по сравнению с первопечатным: в частности, добавились статьи А. Карташева и А. Пешехонова, а также текст речи В. Соловьева на университетском обеде⁶⁰. Макет был практически полностью готов к третьей декаде ноября; Познер, наученный горьким опытом, старался согласовывать любые изменения в его составе: «Посылаю Вам корректуры очерков, которые предлагают дополнительно для 2-го издания «Щита». Очень буду благодарен, если скоренько прочтете и дадите Ваш отзыв. Они посланы на заключение и Федору Кузьмичу»⁶¹.

5 ноября в московском Политехническом музее при большом стечении народа Сологуб читал лекцию; среди публики были, в частности, Вячеслав Иванов и Леонид Андреев⁶². Подробности последующих двух дней не документированы, но точно известно, что к собранию бюро 7-го ноября Сологуб в Петербург не вернулся, что, впрочем, не было воспринято никем из присутствующих в качестве демарша. Этому способствовала вполне техническая задача заседания: дебатировался проект большого Учредительного

собрания общества, долженствующего расширить масштаб его деятельности. Мероприятие было первоначально назначено на 10 декабря; благодаря содействию А. В. Карташева был арендован вместительный зал Географического общества. По возвращении Сологубов в столицу Познер, согласно их просьбе, уведомил их о дате и времени: «<...> я сообщил об этом Ф. К., но он сказал мне, что 9 и 10 декабря будет занят. Поэтому день собрания был перенесен на 12 декабря, о чем я снова предупредил Ф. К. Он сказал, что и в этот день должен быть в другом месте. Я просил его быть непременно у нас на собрании, против чего Ф. К. не возражал. Этот разговор был за неделю до учредительного собрания»⁶³.

Неувязка в датах, которая, судя по тону, показалась Познеру пустым капризом, на самом деле имела под собой существенное основание: в первых числах декабря Сологубы получили известие, что в Петербург собирается приехать Вяч. Иванов и все их планы, таким образом, сопоставлялись с его графиком. 3 декабря Чеботаревская писала ему: «Сегодня из газет узнала, что Вы 9-го читаете здесь лекцию. Очень хотелось бы видеть Вас после лекции у нас. Соберем несколько друзей. Также могу предложить помещение у н<а>с. — только довольно холодно»⁶⁴.

Это приглашение было принято — Иванов и В. Шварсалон, прибыв в Петроград 9-го числа, прожили в квартире Сологубов целую неделю⁶⁵. В день приезда Иванов сделался невольным односторонним свидетелем резкого телефонного разговора Сологуба с Познером, позже описанного им в приведенных выше свидетельских показаниях. Второй абонент позже пересказывал состоявшуюся беседу так: «В среду, 9-го, когда я думал пойти к Ф. К. со списком <членов будущего Комитета Общества>, он позвонил мне по телефону и спросил меня, как улажен инцидент со ст. Н. Бердяева, на что я не мог дать никакого определенного ответа. На это Ф. К. сказал, что в неулажении этого инцидента он видит нежелание уладить его и поэтому должен будет устраниваться с А. Н. от дел Общества до тех пор, пока Бердяеву не будет дано удовлетворение. Я предложил ему немедленно же собрать старое бюро или собрание членов кружка с тем, чтобы уладить инцидент до учредительного собрания, т. е. до субботы, 12 декабря. Ф. К. не только решительно уклонился от такого способа решения дела, но заявил, что во всем происшедшем он видит проявление глубокого неуважения к чужой личности, что с такими людьми он с А. Н. работать вместе не может, и что потому он не только устраняется от участия в кружке, но совсем выходит из его состава, и не явится на собрание 12-го декабря. Мои настояния не принимать такого решения не помогли, и наша беседа закончилась моей фразой о том, что — я крайне сожалею о его отказе»⁶⁶.

В ближайшие несколько дней Познер предпринимает последнюю попытку ко всеобщему примирению, инспирируя визит к Сологубам З. И. Гржебина, но эта миротворческая миссия заканчивается провалом. Таким образом, многолюдное учредительное собрание общества проходит 12 декабря в отсутствие Сологубов; на нем, после программной речи Горького и выступления Д. В. Филофова, избирают девять членов комитета, двух кандидатов, троих участников редакционной комиссии; оглашают предварительные итоги и обширные планы⁶⁷; единственным реликтом первоначальной тройственности организаторов остается упоминание Сологуба в качестве одного из составителей анкеты — и только⁶⁸. Три дня спустя, 15 декабря (вероятно, после отъезда Ивановых в Москву⁶⁹) Сологуб позвонил Познеру и сформулировал два пункта своего «J'accuse»: претензия состояла «во-первых в том, что не был своевременно улажен инцидент с статьею Бердяева и, во-вторых, в том, что я <Познер> искажил смысл его заявления о выходе из Общества. На первое обвинение я ответил, что слышу его впервые, ибо до сих пор он и А. Н. винули всегда М. Горького, а, услышав в ответ, что виноват я один, что достаточно было бы одного моего письма к Бердяеву, чтобы все уладилось, я возразил, что, если бы знал это, то послал бы не одно, а сто писем. На второе обвинение я ответил напоминанием Ф. К. нашего телефонного разговора от 9-го дек., на что между прочим Ф. К. мне сказал: «если я даже и выразился так, как вы говорите, то вы должны были меня переубедить»⁷⁰.

Некоторое время в кругу оставшихся учредителей общества, судя по всему, дискутируется вопрос об отношении к эскапде Сологуба; при всей двусмысленности ситуации, вряд ли кто-то мог счесть его обиды полностью необоснованными. Обстоятельства усугублялись тем, что в расширившийся комитет вошли люди, заведомо недоброжелательные к Сологубу, что, в конечном счете, и предопределило результат. Лаконичным археографическим памятником этих дискуссий можно считать два письма тождественного содержания, отправленные Горьким в течение одного дня — 17 декабря. В обоих идет речь о планирующемся сборнике «Евреи на Руси», в обоих перечисляется приблизительный состав авторов: Бальмонт, Бунин, Куприн, Шмелев, Гиппиус. Но в первом, адресованном Брюсову, в этом списке значится Сологуб, а во втором, направленном Треневу — уже нет⁷¹. Впрочем, неделю спустя, размолвка между бывшими сотрудниками делается гласной: «на тот случай, если б Вас смутило участие Ф. Сологуба», — пишет Горький В. Г. Короленко, — «считаю нужным сообщить, что он уже заявил о своем выходе из членов общества»⁷². Среди оставшихся в комитете людей более прочих был расположен к Сологубу Леонид Андреев — и именно он инициирует внеочередное заседание для разьяснения конфликта.

11 января Андреев пишет Чирикову: «<...> вдруг сегодня телеграмма: завтра (<в> среду) собрание нашего еврейского комитета, собранное как раз по моему требованию в виду одного очень неприятного конфликта. Приходится ехать, ничего не сделаешь»⁷³. Собрание состоялось 12 числа и на нем Андреев оказался даже не в меньшинстве, а в одиночестве. Вечером того же дня он писал Сологубу: «На меня это заседание произвело крайне тяжелое и скверное впечатление. Мое заявление о совершенной по отношению к Вам несправедливости не вызвало сочувственного отклика ни в ком; между прочим, в большую вину ставилось Вам участие в «Лукоморье», находили, что несовместно быть членом Комитета в Обществе, защищающем евреев, и в то же время работать в «суворинском» органе. <...> Мое предложение каким-нибудь путем привлечь Вас в члены Комитета (расширением устава и дополнительными выборами, либо как-нибудь иначе) было отвергнуто большинством четырех против одного моего голоса (Горький, Семевский, Калмыкова и Коробка)»⁷⁴. Сохранился более поздний рассказ о ходе этого собрания, в котором единодушие заседателей оказывается полным: «Ал. Макс. рассказывал, что на одно из собраний «Русского общества изучения еврейской жизни» явился Л. Н. Андреев. Он настаивал, чтобы Ф. Сологуб был избран в распорядители общества, его комитет. Проф. В. И. Семевский (председатель общества), член литературного фонда, протестовал против этого избрания, говоря, что в противном случае он уйдет из Общества, так как сотрудничество с Сологубом для него невыносимо. А. М. присоединился к Семевскому. Андреев защищал Сологуба. Тогда Семевский начал журить Л. Н., упрекая его в измене славным традициям русской литературы, за близость к писателям буржуазии и т. д. В итоге Л. Н. Андреев голосовал вместе с остальными членами общества»⁷⁵.

Через несколько дней Сологубы уезжали в Курск проездом через Москву⁷⁶; вероятно, в один из дней между 12 и 17 января Чеботаревская отправила Горькому письмо, означавшее полный разрыв отношений: «Только сегодня я узнала о всей этой сложной и замаскированной интриге, которая велась против Ф. К. в комитете основанного им Об-ва, для которого мы столько работали и старались весь прошлый сезон. — *Этого* Вы хотели, когда в прошлом году вошли в наше Об-во? Мне были известны и раньше дикие проявления той травли, кот<орую> Вы годами практиковали по отношению к Ф. К., — письма, которые Вы писали в редакции изданий, требуя его бойкота и... может голодной смерти как результата Ваших неутомимых усилий <...>

Но когда Вы в прошлом году вошли в дело, учрежденное нами (я это докажу, где окажется нужно), когда Вы звали нас к себе (я зову только тех, кого уважаю), когда Вы восхищались стихами Ф. К., — тогда, скажите, что за цели Вы преследовали?»⁷⁷ и т. д.

В один из этих дней впервые возникла тема предстоящей официальной тяжбы; 17 января Познер писал Сологубу: «В пятницу, 15-го с.м. в 12 час. 25 мин. ночи, Вы по телефону 466-75 сообщили мне, что решили предложить мне третейское разбирательство, и тут же просили меня выбрать судей до сегодняшнего дня, дабы сегодня могло состояться первое заседание суда. Я тогда же, спросив Вас о предмете третейского разбирательства, и заметив, что от такого суда не принято отказываться, указал, что вряд ли смогу найти посредников за такой короткий срок»⁷⁸.

Собственно, центральным пунктом конфликта к этому моменту сделалась не судьба статьи Бердяева (этот сюжет был в общих чертах исчерпан), а вопрос о добровольности выхода Сологуба и Чеботаревской из комитета русско-еврейского общества. Их обычная обидчивость, усугубленная в этом случае многолетней историей литературного противостояния с Горьким и его союзниками, оказалась дополнительно стимулирована узурпацией общественного дела, которое они не без основания считали почти полностью своим. 21 января супруги расстались в Курске: Сологуб, начиная обширное лекционное турне, отправился в половине шестого вечера в сторону Ростова-на-Дону, а Чеботаревская в первой половине дня выехала в Москву. С собой она везла письмо, адресованное Иванову и означающее новую эскалацию конфликта:

«Дорогой Вячеслав Иванович,

Обстоятельства сложились так, что мне пришлось вызвать на третейский суд С. В. Познера. Судьями со своей стороны я пригласил П. Б. Струве, Иванова-Разумника и Щеголева. Анаст. Н. расскажет Вам подробности: писать было бы слишком долго, а она знает все точно. Я же Вас прошу сообщить третейскому суду, если он к Вам обратится, об известных Вам обстоятельствах: Ваш разговор с нами и Гржебиным зимою 1914-5 г., в день Вашего отъезда из Петрограда, о сборнике об евреях; мой разговор по телефону с Познером, который Вы случайно слышали в день Вашего приезда к нам, т.к. содержание и тон мой в этом разговоре передаются неверно.

Шлю Вам сердечный привет
Ваш Федор Сологуб»⁷⁹.

Февраль был посвящен обоюдным приготовлениям к предстоящему третейскому суду; к названным Сологубом троим арбитрам прибавились избранные Познером А. Г. Горнфельд, П. Н. Милюков и В. А. Мякотин; из них только последний был решительно предубежден против истца⁸⁰. Первую декаду месяца Сологуб провел в разъездах, вернувшись в Петроград лишь около 11-го числа; спустя неделю его оппонент в предстоящем разбирательстве прислал ему деловое письмо, которое можно было воспринять

как шаг к примирению: «Типография Мамонтова, в которой печатается второе издание «Щита», сообщает, что печатание книги подходит к концу и просит дать ей текст титульной страницы и обложки. Будьте любезны сообщить мне не позже понедельника 22 с<его> м<есяца>, согласны ли Вы, чтобы и в этом издании было указано, как и в первом, что книга выпущена под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба»⁸¹. Ответ на это письмо не разыскан, но, судя по неизменности выходных данных книги, он был положительным.

28 февраля прошло предварительное заседание третейского суда; Иванов, названный Сологубом в числе свидетелей со своей стороны⁸², в эти дни должен был быть в Петербурге⁸³, но приехать не смог; спустя несколько дней он получил от одного из судей запрос о свидетельских показаниях по делу:

«Многоуважаемый Вячеслав Иванович, третейский суд между Ф. К. Сологубом и С. В. Познером (в составе: А. Г. Горнфельд, Р. В. Иванов-Разумник, П. Н. Милюков, В. А. Мякотин, П. Б. Струве, П. Е. Щеголев, суперарбитр Н. И. Кареев) в заседании 28 февр<аля> с. г. постановил: уведомить Вас, что Вы указаны одною из сторон (Ф. К. Сологубом) как свидетель некоторых, подлежащих обсуждению третейского суда, фактов. Ввиду этого третейский суд просит Вас сообщить все, что известно Вам по делу возникновения сборника «Щит», участия в нем Ф. К. Сологуба и С. В. Познера, — и вообще все, что припомните из обстоятельств зарождения и осуществления этого сборника. Сообщение Ваше будет рассмотрено на заседании 6 марта с.г., в 3 ч. дня, на квартире Н. И. Кареева (СПб., Вас. Остр., Большой пр., д. 24). Если бы в этот день Вы случайно оказались в СПб, то Ваше личное, устное показание было бы, конечно, еще более желательным.

Примите уверение в совершенном уважении.
Разумник Иванов»⁸⁴.

Откликнуться на этот призыв и прибыть лично Иванов явно не успевал, но прямым следствием этого письма послужили приведенные выше наброски.

Заседание третейского суда состоялось, как и было намечено, 6 марта. Из обмолвки Горького в частном письме накануне («<...> завтра — свидетельствую на третейском суде по делу Сологуба с Познером, — дело, в котором скрытым обвиняемым являюсь я, а обвинителями Андреев и Сологубчик»⁸⁵) видно, что разбирательство априори воспринималось его участниками не в качестве способа разрешения конфликта между бывшими партнерами, а как повод для дальнейшей манифестации случившихся расхо-

ждений. Так, в принципе, и вышло; на другой день после заседания Андреев сообщал брату: «Вчерашний день почти весь провел на квартире проф. Кареева в качестве свидетеля по делу Сологуба и Познера (за каковым стоит Горький). Боже мой, что это было! Чуть до мордобоя дело не дошло. Сологубы и Горький обменялись оскорбительными резкостями. Настя истерически кричала, кричали судьи и говорили разом. Кареев вел себя старым важным ослом и не давал говорить, я протестовал, он протестовал, все протестовали. Струве хотел уйти, русско-богатенькие были откровенно несправедливы к Сологубу. Мне было очень жаль Сологуба»⁸⁶. Схожим образом воспринял произошедшее и другой участник суда, П. Струве, вспоминая десять с лишним лет спустя в некрологической заметке: «Последний раз я видел Ф. К. незадолго до революции 1917 г. в квартире почтенного Н. И. Кареева, которому, вместе с В. А. Мякотиним и мною, пришлось быть третейским судьей по довольно нелепому делу, возникшему между покойным Ф. К. и Максимом Горьким (формально противной стороной был не последний, а гораздо менее его известный писатель, ныне проживающий в Париже). Это третейское разбирательство так никогда не было доведено до конца. Но благодаря ему, мне пришлось тогда видеть за одним столом в каком-то странном не лишенном характерности состязании трех крупных русских писателей-беллетристов: покойного Леонида Андреева, здравствующего Максима Горького, моя первая встреча с которым относится к 1897 г., и Федора Сологуба. Отчетливо помню, как на этом судилище Леонид Андреев, которого я увидел тут в первый раз и к которому, как к писателю, я относился по меньшей мере холодно, как человек, произвел на меня тогда прямо обаятельное впечатление каким-то чарующим сочетанием прямоты и мягкости, и как, наоборот, тягостно, прямо удручающе неприятен был Максим Горький. Что касается Сологуба, то он — при наших встречах — был всегда как-то ровно внимателен и почти ласков. Так было и тут, где он и его жена как будто искали у меня, избранного Сологубом в судьи, какой-то защиты»⁸⁷.

Несмотря на то, что разбирательство не завершилось ничем и было прекращено⁸⁸, и у истца, и у благожелательно настроенных к нему участников сложилось ощущение предвзятости остальных арбитров; во всяком случае, Сологубы продолжали подбирать свидетельства собственной правоты. Так, десять дней спустя, Чеботаревская вновь обращалась к Иванову: «Дорогой Вячеслав Иванович, пишу Вам с вокзала в Костроме, где чернила хуже карандаша. Очень прошу к 27 м-арта черкните П. Е. Щеголеву что Вы отказа Ф.К. от участия в Обществе не слышали»⁸⁹. Спустя еще месяц (перерыв мог быть связан не только с вызреванием решения, но и с графиком лекционного тура Сологуба), конфликт был перенесен на страницы

прессы. 18-20 апреля в нескольких периодических изданиях было помещено открытое письмо Сологуба:

«М.г., г. редактор!

Прошу вас поместить в вашей уважаемой газете следующее заявление:

Ко мне обращаются разные лица с вопросами о причине моего удаления от «Общества изучения еврейской жизни», в организации которого я и А. Н. Чеботаревская принимали весьма деятельное участие.

В виду того, что третейский суд, заседавший по этому делу, вследствие разъезда членов его не мог довести до конца свои заседания, я вынужден через посредство печати огласить следующее:

Из этого общества ни я, ни А. Н. Чеботаревская не выходили. Правда, в конце 1915 г. мы временно намеревались не посещать общество, тщетно добываясь в течение трех месяцев чрез секретаря его С. В. Познера улажения корректным путем инцидента с Н. А. Бердяевым, статья которого, заказанная для сборника «Щит», была забраквана г. секретарем без согласия двух или трех его редакторов — моего и Л. Н. Андреева. Так как статья была заказана мною и Н. А. Бердяев обратил ко мне, как к редактору, свое законное возмущение, то я много раз в течение трех месяцев настаивал на выяснении г. Познером автору статьи мотивов этого решения. Убедившись в полном и сознательном игнорировании моих притязаний на корректное отношение к сотрудникам, я сообщил г. Познеру, что *впредь до ликвидации инцидента с Н. А. Бердяевым я не считаю для себя возможным посещать собрания общества* (этот разговор происходил в присутствии Вяч. Иванова). На это г. Познер, посоветовавшись, по его словам, с некоторыми лицами, вычеркнул мое имя из избирательного списка баллотирующихся в комитет общества и в учредительном собрании общества в декабре заявил желавшим голосовать за меня, что я «ушел» из общества, «вероятно, изменив свои убеждения».

На это я должен возразить. Я слишком ценю свои убеждения, чтобы менять их в зависимости от случайных обстоятельств. К угнетению народа я не могу остаться равнодушен, как художник и поэт. Только эти — художественные и гуманитарные мотивы владели мною тогда, владеют и теперь. Возмущенный исчезновением моего имени из списка, подал мотивированный отказ от участия в делах комитета — учредитель и зачинатель общества Леонид Андреев. Таким образом, ясно, что я и А. Н. Чеботаревская не «выходили», но фактически очутились за бортом дела, созданного при нашем деятельном участии.

Федор Сологуб»⁹⁰.

Через несколько дней в газетах было помещено ответное письмо Познера⁹¹, на чем история конфликта была в общих чертах завершена, хотя отдельные последствия этого инцидента продолжали ощущаться и в последующие месяцы. Так, в процессе подготовки третьего издания «Щита»⁹² Познер обратился к Иванову за разрешением перепечатать там его переводы из Бялика, выполненные им для журнала «Еврейская жизнь»⁹³. Иванов, явно держа в уме изложенную выше историю, отвечал ему крайне острожно:

«Москва, Zubovskiy b. 25

25 апреля 1916

Многоуважаемый Соломон Владимирович,

Поездка в Киев, к сожалению, [немного] задержала мой ответ. Я ничего не имею против перепечатания моего стихотворного перевода из Бялика в 3-м изд. «Щита», если первоначальный состав сборника — разумею первое издание — целиком воспроизводится в третьем, — другими словами, если материал 1го издания лишь умножается новыми дополнениями, а не сокращается устранением чего-либо, напечатанного в первом. Впрочем, в этом последнем случае я должен был бы получить соответствующее уведомление; ибо и статья моя, помещенная в 1-м издании, может быть повторена в следующих изданиях лишь при том же условии — неприкосновенности первоначального целостного состава книги. Изменение же последнего в смысле особенного отбора предполагало бы новый принцип соединения сотрудников, и каждый должен был бы отдать себе предварительно отчет в том, как он относится к этой новой фазе в существовании «Щита». Между тем, после происшедших несогласий, мало ли чего можно ждать? Например, ухода или изгнания Сологуба — либо [какого-нибудь] дальнейшего — вовсе непредвиденного [административного] мероприятия со стороны Максима Горького против какого-либо [усмотренного им] опасного проявления независимости в чем-либо образе мыслей. Вследствии высказанных опасений я был бы Вам благодарен за несколько успокоительных строк.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном почтении

Вячеслав Иванов»⁹⁴.

Как известно, высказанное здесь пожелание было исполнено.

(Endnotes)

¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 8. Ед. хр. 19. Рукопись представляет собой черновик с правкой, интенсивность которой нарастает к исходу последней страницы.

² Аннотацию содержания см.: Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1912–1917 годы. М., 1958. С. 166–167 (Литературно-художественные альманахи и сборники. Библиографический указатель. Том второй).

³ В изложении ранней части хронологии «Щита» мы следуем тексту меморандумов, составленных в начале 1916 года С. Познером и Ф. Сологубом в преддверии третейского суда. Эти отчасти противоречащие друг другу реминтонированные тексты (познеровский — несравненно более подробный) были, судя по всему, разосланы всем участникам предстоящего заседания; ныне общедоступны два идентичных экземпляра — принадлежавший А. Горнфельду (РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659; в одной архивной единице объединены оба текста) и П. Милюкову (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2018 и 2019; с густой, но бессистемной правкой получателя). Чтобы не перегружать ссылки, далее мы цитируем текст по горнфельдовскому экземпляру.

⁴ О С. В. Познере см.: *Кельнер В.* Соломон Познер и «Русский дом» в Париже // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том III. 1939–1960 гг. Составитель и издатель М. Пархомовский. Иерусалим. 1994. С. 495–510; Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 97–112. Последняя работа, наряду с отчасти вобранной ею статьей того же автора «Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы первой мировой войны» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14)). С. 66–93) подробно касается занимающей нас истории, отчего ниже мы регулярно обращаемся к приведенным там документам.

⁵ Андреев Леонид. Первая ступень // Утро России. 1914. 27 ноября. № 294. С. 2; статья изначально предназначалась для «Биржевых ведомостей», но была отклонена цензурой; в начале декабря перепечатана в нескольких провинциальных газетах, см.: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Выпуск 1. Сочинения и письма. Составитель В. Н. Чуваков. М., 1995. С. 127–128.

⁶ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 12. В более поздних вариантах биографии Чеботаревской мысль об издании сборника не всегда связывается напрямую со статьей Андреева, ср. запись за 1914 год в составленной Ф. Сологубом хронологической канве ее жизни: «- Мысль об издании» Сборника» по еврейскому вопросу; — Редакция сборника; — Общество для защиты евреев» — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6, Ед. хр. 172. Л. 158. Ср., впрочем: «В начале зимы того же <1914> года, преследования, которым тогда подвергались евреи, заставили ее начать хлопоты об издании сборника в защиту евреев. Мысль об этом сборнике дала ей статья Леонида Андреева «Первая ступень». Ан. Н. принимала деятельное участие в организации Общества для изучения еврейской жизни, возникшего по нашей инициативе с той же целью» (Сологуб Федор. «Вступительная статья» // Сологуб-Чеботаревская Анастасия. Женщина накануне революции 1789 года. Пг., 1922. С. 19).

⁷ Вяч. Иванов приезжал в Петербург, чтобы прочесть 25-го ноября совместную с В. Ф. Эрном лекцию «Вселенское дело» (см. повестку и афишу (РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 63, 65), а также отзывы: От Канта к Крупну // БВ. 1914. 26 ноября. № 14518. С. 4; А. Н. Борячиных. Лекции о войне и миссии славянства Вяч. И.

Иванова и В. Ф. Эрн // Новое звено. 1914. № 49. 29 ноября. С. 15; Кризис германской культуры и миссия России // Речь. 1914. № 321. 27 ноября. С. 5; И. М. Война и писатели. У Вячеслава Иванова // Голос Москвы. 1914. № 277. 2 декабря. Дата его отъезда из Петербурга (она же — день встречи с Сологубами) устанавливается из дневниковой записи С. П. Каблукова 29 ноября: «Был Вячеслав Иванов, завтра уезжает в Москву. Укорял меня за германофильство, а я его за безудержное славянофильство и национализм» (РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 32. Л. 21).

⁸ Особенно напряженных между Горьким и Сологубом; см.: *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Выпуск 1. М., 1989. С. 185 — 203; Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Федор. Мелкий бес. СПб. 2004. С. 722–738. Диалог между Сологубом и Андреевым был не в пример более дружественным; ср.: «Так утешительно чувствовать время от времени, как протягиваются тонкие и нежные соединяющие нити сочувствия, понимания. В письме очень трудно сказать все, что хочется иногда сказать, — а и мне не раз хотелось прийти и говорить с Вами. Разделлет людей, — и нас с Вами, м. б., — иногда многое, больше внешнее, — вот как Вы пишете, — как я пойду? не помешать бы? да захочет ли он? Но изо всех современных писателей Вы, может быть, тот, с кем наиболее интересно было бы мне поговорить, и много раз, и о многом: так много есть общих точек, но и так много расхождений во всем» (письмо Сологуба Андрееву 23 октября 1908 // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 1 — 1 об.); взаимоотношения Горького и Андреева подробнейшим образом исследованы при издании их двусторонней эпистолярной Литературное наследство. <Т. 72>. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965.

⁹ Сологуб Ф. Конец ли Горькому // Заря. 1914. № 5. 2 февраля. С. 3.

¹⁰ Сологуб Ф. Заметки // Дневники писателей. 1914. Март. С. 17.

¹¹ См. в письме М. Горького к Е. П. Пешковой «Был у меня Л. Андреев. Долго говорили, часов шесть кряду» (Письмо 5 декабря // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Том одиннадцатый. Письма. Июль 1913–1915. М., 2004. С. 140).

¹² Эта встреча состоялась, по всей вероятности, 12 декабря 1914 года (Горький был в Петрограде между 12 и 15 декабря (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Выпуск 2. 1908–1916. М. 1958. С. 465), а на 14 число была назначен уже следующий colloquium (см. ниже).

¹³ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 1–2.

¹⁴ Дата устанавливается, исходя из следующих обстоятельств: а) 13 декабря Андреев писал Горькому: «Я очень огорчен, что завтра не могу быть у Сологуба. Рассчитываю все же поправиться и в другие разы не портить музыки» (Литературное наследство. <Т. 72>. С. 352; 2) 15 декабря Горький сообщил Е. П. Пешковой: «Сегодня вернулся из Питера, где пробыл почти неделю. Кое-что затеял, но — увы! из моих затей последнее время ничего не выходит. Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, — а? Не веришь? Может быть, даже и более того затеем» (Горький М. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 141).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 2.

¹⁶ «<...> к вопросам необходимо приложить обращение, адресованное анкетерами. Написать это обращение должны мы — ты, я, Сологуб. Прилагаю мой проект. На-

пиши ты и затем пошли оба листка Ф. К. Сологубу. Так условлено» (Горький — Л. Андрееву 15 декабря // Горький М. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 143).

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 2.

¹⁸ Там же. Упомянутый в тексте протокол заседания до настоящего момента не разыскан.

¹⁹ Недатированное письмо // М. Горький. Исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 445; этими же днями помечено известное письмо С. Булгакова, традиционно относимое к проекту «Щита»: «В Петрограде замышляется сборник по еврейскому вопросу, я уклонился от статьи в нем п.ч. при данном его составе (Плехановы, Коцовские и под.) суждение по существу (а только так и можно писать о нем) невозможно и, кроме того, крайне несвоевременно, между тем как еврейские издатели на- ходят прямо наоборот. Мне, при антиномичности моего отношения к еврейству: крайнем филоиудизме и крайнем антижидовстве выступать в этом обращении до последней степени трудно» (письмо от 22 декабря 1914 года к В. К. Хорошко — Булгаков С. Н. Моя родина. Статьи. Очерки. Письма. Составление, предисловие, комментарии и публикация архивных материалов И. Б. Роднянской // Новый мир. 1989. № 10. С. 241. Упомянутые здесь Плеханов с Коцовским в сочетании с фактом последнего безропотного участия Булгакова в «Щите» наводят на мысль, что здесь идет речь об альтернативном (несостоявшемся) проекте.

20 РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 3

²¹ «Очень желателен Ваш приезд субботу. Горький» (Горький М. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 150).

²² Устами Буниных. Дневники. Т. 1. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. М., 2005. С. 120; много лет спустя слабеющая память упустила все смысловое содержание встречи, уцепившись лишь за яркую деталь: «Последний раз я видел его в шестнадцатом году, у него на дому, на большом званом вечере. Он уже давно был славен, жил в достатке и, кажется, нередко устраивал такие вечера — собирал у себя литературных знаменитостей. В этот вечер знаменитостей собралось много, были Горький, Андреев. Но хозяин почему-то долго не выходил, предоставив принимать гостей Чеботаревской. Когда же вышел, то я глазам своим не поверил: на нем был смокинг, смятые и вытянутые в коленках панталоны, зеленые шерстяные носки и лакированные туфли со сбитыми каблуками» (Бунин И. А. Собрание сочинений. Том седьмой. М., 2000. С. 554).

²³ Пришвин М. М. Дневники. 1914. 1915. 1916. 1917. СПб., 2007. С. 137; вероятно всего, здесь контаминация двух вечеров — 17 и 20 января, поскольку 17-го у Сологуба не было Блока, а 20-го — Горького, тогда как Блок, наоборот, был, ср.: «Я у Сологуба до 6 ч. утра (Л. Андреев, Петров-Водкин, Верховский, Тиняков, Щеголевы)» (Запись 20 января // Блок Александр. Записные книжки. 1901 — 1920. М., 1965. С. 255).

²⁴ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 3. Упомянутый лист с подписями не разыскан.

²⁵ Официально оно будет зарегистрировано только 28 апреля; см.: Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Выпуск 1. С. 193 (со ссылкой на Архив Горького).

²⁶ Письмо 25 января и телеграмма 29 января // Горький М. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 154, 156; сведения о недатированных посещениях Со-

логубом Горького и Андреева содержатся в донесениях Департамента полиции марта и апреля 1916 года (Литературное наследство. <Т. 72>. С. 549).

²⁷ Анкета об евреях (открытое письмо к публике трех русских писателей) // Биржевые ведомости. 1915. 3 февраля. № 14648. Утр. вып. С. 4; текст ее см.: Горький Максим. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. Авторы-составители: Михаил Агурский, Маргарита Шкловская. Иерусалим, 1986. С. 155–156; она же, но с восстановлением выпущенных цензурой мест приведена в комментариях В. Н. Чудакова к письму Горького Андрееву: Горький М. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 394 — 395; идея анкеты вызвала неоднозначное отношение (см. наиболее характерные отзывы: Струве Петр. По поводу одной анкеты // Биржевые ведомости. 1915. № 14674. 16 февр. С. 3; Василевский И. (Не-Буква). Книга легкомыслия // Петроградский курьер. 1915. 7 февраля. № 373. С. 3 («наилучшие намерения Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба нашли крайне неудачную форму»); Петроградский старожил. Анкета об евреях // Московские ведомости. 1916. 8 марта. № 55. С. 2; 10 марта. № 57. С. 2; Загорский М. О Максиме Горьком (Диалог) // Утро России. 1916. № 110. 20 апреля. С. 3 («<...> идея такой анкеты встретила самое суровое осуждение на страницах еврейской печати»); Евреи в России. Анкета М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба // Журнал журналов. 1916. № 7. С. 13 (с удивительным, среди прочего, утверждением: «Листок анкеты предназначался для рассылки только литераторам и ученым. «Бирж. Вед.» только по недоразумению опубликовали его»); обзор ответов на анкету лег в основу доклада М. Горького (12 декабря 1915 года), позже напечатанного в журнале: Горький М. По поводу одной анкеты // Летопись. 1916. № 1. С. 188 — 220.

²⁸ «Посылаю Вам список тем, намеченных для первой части книги «Русские о евреях» (письмо 7 февраля 1915 года // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549. Л. 2).

²⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 30 об.; дата по почтовому штемпелю. *Димочка* — Дмитрий Вячеславович Иванов. Анонсированное письмо Сологуба не сохранилось или не было написано вовсе.

³⁰ Повестка воспроизведена: Литературное наследство. <Т. 72>. С. 548. Вероятно, этот вечер описывает в своих воспоминаниях Д. Бурлюк: «Сологуба посетил я в 1915 году. Время это ознаменовалось наделавшим шум выступлением по поводу равноправия евреев в России; выступление сие было подписано Горьким, Сологубом и Андреевым. <...> В описываемый вечер у Сологуба состоялось экстренное совещание по еврейскому вопросу. Мы сидели в столовой, когда, закончив его, к нам вышел Федор Кузьмич» (Бурлюк Давид. Интересные встречи. М., 2005. С. 75; в более позднем варианте воспоминаний, положенном в основу издания 1994 года (Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994) весь этот фрагмент опущен).

³¹ См. газетные отчеты: Русско-еврейский вечер // Речь. 1915. 7 марта. № 64. С. 5 («Публика получила возможность увидеть и услышать на вечере трех самых популярных современных русских писателей — М. Горького, Л. Н. Андреева и Ф. Сологуба, читавших отрывки из своих произведений. Публика встретила и проводила писателей шумными аплодисментами, особенно бурными по адресу М. Горького, который появился перед «большой публикой» впервые после своего возвращения из-за границы. В течение нескольких минут М. Горький не мог из-за аплодисментов приступить к чтению отрывка из своего «Детства»); Ариель. Вечер в пользу еврейского комитета // Петроградский курьер. 1915. 8 марта. № 402. С. 5 («Театр дрожал от

грома рукоплесканий, приветственных кликов, оглушительного браво и топота тысяч ног, когда на авансцене, жмурясь от огней рампы, появился каприйский изгнанник. Десять лет не видел Петроград Максима Горького. <...> В качестве чтецов выступали еще Леонид Андреев и Ф. Сологуб. Несмотря на то, что гг. писатели в подавляющем большинстве случаев очень плохие чтецы, особенно собственных произведений, публика встретила обоих корифеев тепло, пожалуй, даже восторженно. Театр гремел несмолкающими рукоплесканиями»; Новый восход. 1915. № 10-11. 13 марта. С. 50–51 («6-го марта в Большом зале Консерватории состоялся большой литературно-музыкальный вечер в пользу Еврейского комитета помощи жертвам войны. Вечер этот уже задолго привлекал к себе внимание широких кругов Петрограда и вызывал оживленные разговоры. <...> Билеты не поступали даже в продажу, потому что были расписаны задолго до концерта. Желающих попасть на концерт было впятеро больше, чем мест в театре. С самого начала в зале чувствовалось повышенное настроение. <...> Главным интересом вечера сосредоточился на выступлениях трех <слово вырезано цензурой> русских писателей, в последнее время заставляющих много говорить о себе в связи с еврейским вопросом. Мы имеем в виду Леонида Андреева, Максима Горького и Федора Сологуба. Публика восторженно встречала каждого из них. При появлении на эстраде Максима Горького, энтузиазм собравшихся достиг апогея — аплодисменты не смолкали в течение четверти часа. Поднявшаяся со своих мест публика не знала, как сильнее выразить свои чувства — на сцену летели цветы»).

³² К борьбе с антисемитизмом // Утро России. 1915. 1 марта. № 59. С. 5. Среди подписавших, помимо трех организаторов и идеологов, были Н. Бердяев, И. Бунин, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, Д. Философов и мн. др.

³³ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 4.

³⁴ На тот момент рассказ был запрещен цензурой; в печати он появился несколько месяцев спустя (Сологуб Федор. Вечный жид // Русские Ведомости. 1915. 11 августа. № 184. С. 5), практически сразу после чего был републикован в «Щите».

³⁵ РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 31 (дата по почтовому штемпелю).

³⁶ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 5.

³⁷ Впервые напечатана в «Щите»; вошла в сборник статей Иванова «Родное и все-ленское» (М. 1917 <на обл.: 1918>. С. 85 — 88).

³⁸ РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 10. Л. 1.

³⁹ Markish S. Vjačeslav Ivanov et les Juifs // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1984. Vol. XXV (1). P. 35 — 47.

⁴⁰ Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х. Н. Бялика // Новое литературное обозрение. № 14 (1995). С. 102 — 118; Безродный М. Вячеслав Иванов и «Мусагет»: заметки к теме // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1988. <Frankfurt am Main, 2002>. С. 411–419 (включая библиографию вопроса, аккумулированную в этих работах).

⁴¹ См. описание наиболее существенной из них, сделанное одним из полемизантов: Там же. С. 417–418. В качестве запоздалой реплики хотелось бы добавить, что приводимый в качестве аргумента одной из сторон фрагмент дневниковой записи Р. М. Хин-Гольдовской («Вячеслав Иванов долго ежился, морщился, спросил кто подписал... и когда К-ускова» назвала самые «жирные» имена, тоже подписал, прибавив, однако, что он по этому предмету мог бы сказать многое, с чем, вероятно, авторы воззвания не согласятся» (Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917.

Предисловие и публикация Е. Б. Коркиной. Примечания А. И. Добкина // Минувшее. Исторический альманах. 1997. <Т.> 21. С. 555 — 556; о воззвании см. прим. 32)) вызывает некоторые сомнения в его достоверности — настолько описанная ситуация не соответствует тому, что мы знаем о диалогических ритуалах В. И.

⁴² Лаппо-Данилевский К. набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские»; Иванов Вяч. Евреи и русские // Новое литературное обозрение. № 21 (1996). С. 182–193; из текстов на указанную тему, донные не введенных в научный оборот, следует упомянуть исключенную из канонического состава спораду: «Евреи — кровь Божия. Оттого и рассеяны по земле; оттого и тайну крови святят. Они знают, что в жилах других людей течет другая кровь».

Религиозное сознание евреев тем отличается от нашего, что Бога они испытывают (Deus passiuntur <?>) в собственных жилах. Но это отнюдь не наш имманентизм; напротив, это вид Трансцендентизма.

Мне кажется также, что Россия — сердце Божье, Китай — мозг, а Индия — легкие. Но мало ли, что покажется? Мнится, что Атлантида была крыльями и стала родом плавников; что Германия — селезенка; что прежде Рим, а ныне Англия — печень» (РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 36; черновой набросок).

⁴³ Написанная специально для «Щита», статья эта была впервые напечатана год спустя: Христианская мысль (Киев). 1916. № 4. С. 120–127.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 6; о простительности действий мемуариста мы сейчас не можем судить во всей полноте, поскольку киевский цензор исключил из первопечатного текста статьи Бердяева некоторые пассажи, показавшиеся ему сомнительными; его единодушие с Познером заставило столичного корреспондента воскликнуть в изумлении: «Не состоит ли киевская военная цензура в тайных сношениях с масонами?» (Разъяснение г. Познера // Утро России. 1916. 22 апреля. № 112. С. 2). Можно также предположить, что одной из причин настороженного отношения Познера к Бердяеву послужило участие последнего в недвусмысленно антисемитском сборнике «Израиль в прошлом, настоящем и будущем» (Сергиев Посад. 1915); впрочем, стоит помнить, что руководствоваться он мог только слухами о его подготовке, поскольку книга эта вышла на неделю позже «Щита» (см.: Книжная летопись государственного управления по делам печати. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 22-го по 29-е сентября 1915. № 21 298).

⁴⁵ Цит. по: Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. С. 104.

⁴⁶ Письмо от 2 июля 1915 года // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549. Л. 6–6 об.

⁴⁷ Об этом Познер писал Сологубу 26 августа; см.: Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. С. 105; очерк Короленко см.: Русские записки. 1915. № 8. Отд. I. С. 182–188.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 7.

⁴⁹ Письмо Сологуба к И. А. Новикову от 11 августа 1915 года // РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 36. Л. 2.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549. Л. 8.

⁵¹ Книжная летопись государственного управления по делам печати. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 15-го по 22-е сентября 1915. С. 9. № 21 175.

⁵² РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 10. Л. 2; на следующий день, обращаясь к нему уже по другому вопросу, Познер повторял новость и персонализировал благодарность:

«Сборник «Щит» вышел в свет, и в Москву написано, чтобы Вам доставили его, что, наверно, уже сделано. Пишу, чтобы еще раз, от своего имени, поблагодарить за участие в сборнике» (Там же. Л. 3 (письмо 25 сентября 1915 года)).

⁵³ Цит. по: Кельнер В. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы первой мировой войны. С. 84

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 7.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Цит. по: Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. С. 106–107.

⁵⁷ Без даты // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 3 об.

⁵⁸ Цит. по: Кельнер В. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы первой мировой войны. С. 85

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 9.

⁶⁰ По поводу этого текста, полученного из собрания Э. П. Юргенсона, см. письма Горького от 6 и 9 ноября 1915 года: Горький М. Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 213, 215.

⁶¹ Письмо Леониду Андрееву 21 ноября 1915 года // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 1; днем раньше он сообщал Сологубу, что «на второе издание «Щита» поступает множество заказов» (Письмо от 20 ноября // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549. Л. 13).

⁶² Оба они, наряду с Шаляпиным, были замечены в зале дотошным хроникером: М. Загорский? На лекции Ф. Сологуба // Утро России. № 305. 6 ноября 1915. С. 4.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 9.

⁶⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 32. Дата по почтовому штемпелю. В адресе сделана трогательная ошибка: написано «Таврическая», зачеркнуто и переправлено на «Зубовский». Подробный отчет об анонсированной лекции см.: Каратыгин В. Лекция-концерт памяти А. Н. Скрябина // Речь. 1915. 13 декабря. № 343. С. 6.

⁶⁵ См. их благодарственные письма и дружеское стихотворное послание Иванова: «Эта седмица / В доме поэта / Гостеприимном — / Долгие лета / Будет мне сниться / ласковым сном» и т.д. — Вячеслав Иванов. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. Публикация А. В. Лаврова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 147–148; ср. также: «Вячеслав приехал утром в среду, т.е. 9-го дек., а вечером читал свою лекцию «О Скрябине». <...> Вячеслав остановился у Ф. Сологуба. На мое приглашение посетить меня, ответил, что сделать это не сможет, ибо уезжает в воскресенье и имеет много важных дел в СПб. Вместо этого пригласил меня после лекции, т.е. в ночь с 9 на 10 к Сологубу в гости, где можно будет поговорить. Это предложение я, разумеется, отклонил, как потому, что после рабочего дня боялся ночи без сна да еще в чужой среде, так и по причине органического отвращения, которое возбуждает во мне «всепротивная» Сологубова жена, Настасья Чеботаревская, к<ото>рую решительно не выношу за ее особый паскудно-подсобный <?> вид. Не знаю, как иначе назвать ее, если не Паскудой Оболдуевой Непристойной» (Дневник С. П. Кабукова, запись 12 декабря 1915 года // РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 38. Л. 65–66).

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 10.

⁶⁷ «В ближайшем будущем выйдет в свет сборник со статьями о положении евреев в России. На издание сборника лицо, пожелавшее остаться неизвестным, пожертвовало 10 000 руб. Также намечена книга по истории еврейского быта с художествен-

ными иллюстрациями и сборник еврейских сказаний и легенд» (Доклад М. Горького // *День*. 1915. № 343. 13 дек. С. 3).

⁶⁸ Русское общество для изучения еврейской жизни // *Речь*. 1915. 13 декабря. № 343. С. 5.

⁶⁹ Точный день отъезда неизвестен; судя по записям Каблукова (см. выше), они намеревались уехать в воскресенье 13-го, но в ретроспективных благодарностях Сологубам неоднократно упоминается проведенная под их кровом неделя.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 11; в указанной работе М. А. Никитиной упоминается о претензиях, сформулированных Сологубом в письменном виде и отправленных Познеру через Щеголева 17 января 1916 года; с этим документом, хранящимся в Отделе рукописей ИМЛИ, нам ознакомиться не удалось.

⁷¹ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 231, 232. Справедливо ради нужно добавить, что этим различия между списками не исчерпываются — в первом, например, есть Блок, а во втором вместо него — Поликсена Соловьева, что изрядно понижает степень выразительности этой детали.

⁷² Письмо 24 декабря 1915 года // Там же. С. 234.

⁷³ Переписка Л. Андреева и Е. Н. Чирикова. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии В. Н. Чувакова // Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С. 57.

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 5; фрагмент печатался в: Из писем, автобиографий и интервью Андреева. Публикация А. И. Наумовой // *Литературное наследство*. <Т. 72>. С. 553; самостоятельный сюжет о «Лукоморье» (со встречными обвинениями в адрес Горького, предъявленными Андреевым в том же письме) мы здесь не комментируем; среди голосовавших вызывает некоторое удивление позиция Калмыковой: объект дружелюбных отзывов Сологуба времен «Северного вестника» (см. его рецензии на книги «Каталог книжного склада А. М. Калмыковой. 4-е дополненное издание. 1895 г. Цена 10 к.» (Северный вестник. 1895. № 7. Отд. II. С. 70) и «Отчет о деятельности состоящего при Императорском вольном экономическом обществе Спб комитета грамотности 1893 г. СПб. 1894» (Северный вестник. 1894. № 12. Отд. II. С. 38–39; обе без подписи), близкая подруга и многолетний корреспондент П. С. Соловьевой, знакомая Ал. Н. Чеботаревской и т.д. никогда не была замечена в антисологубовских настроениях. Впрочем, он не держал на нее зла, меньше чем через год рекомендовал ее в качестве выездного лектора на педагогические темы; см. его письмо к жене от 16 ноября 1916 года: *Сологуб Ф.* Письма к Анастасии Чеботаревской. Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб*. Под редакцией М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 369. С другой стороны, человек, путешествующий по жизни с большевистской партийной кличкой «Тетка», по определению должен таить в себе некоторые психологические сюрпризы.

⁷⁵ *Дневник Б. Н. Юрковского*. Цит. по: Никитина М. А. М. Горький и Ф. Сологуб. С. 196; эта версия не находит себе документального подтверждения, поскольку Андреев, обещавший в цитированном выше письме Сологубу в знак протеста покинуть комитет («на ближайшем собрании я заявляю о своем выходе из членов Комитета — и Господь с ними, довольно!»), свое слово сдержал: «Несправедливость, которая была совершена по отношению к Ф. К. Сологубу и затем утверждена постановлением Комитета против моего голоса, — делает для меня несовместимым с совестью дальнейшее пребывание в Комитете» (письмо Познеру 13 февраля 1916 года // РГАЛИ. Ф. 2535. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 2 — 3).

⁷⁶ 8 января Чеботаревская писала Иванову: «Дорогие друзья, Ваш ласковый привет очень обрадовал нас среди обычных житейских забот и огорчений. Хотели только что В<а>м писать о том, что 18-го будем на 1 день в М<оск>ву проездом в Курск, и этот вечер 18-го Кам<ерный> Театр хочет использовать для лекции Ф.К. о Современном Театре и хотелось бы очень, чтобы Вяч. Ив. принял участие в презентации» (РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 22 (дата по почтовому штемпелю)). Намерение это исполнилось; хроникер особо отметил выступление Иванова после сологубовской лекции: «Вяч. Иванов высказал свою мечту о соборности, которая сначала должна объединить развединенных людей, а потом уж создать и новый театр, где весь зрительный зал будет сочувствующим хором, а актеры — героями, вышедшими из среды соборного хора. — А пока, — обронил оратор холодящее слово, — мы все — глубокие обыватели, несмотря на все мечтания и порывы» (И. Ж<илкин?>. Федор Сологуб о театре // *Русское слово*. 1916. № 15. 20 января. С. 6)

⁷⁷ Цит. по: Никитина М. А. М. Горький и Ф. Сологуб. С. 136–197.

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549. Л. 18.

⁷⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 63. Л. 8 — 8 об. Чеботаревская собиралась передать его лично, но не смогла; в ночь с 21 на 22-е она приписала к имени адресата, начертанному Сологубом, почтовый адрес («Зубовский бульв. д. 25») и опустила конверт в почтовый ящик, сопроводив запиской: «Дорогой Вячеслав Иванович, не успела к Вам заехать! увы! засиделась у Бердяева! ФК шлет В<а>м это письмо, а я зайду 23-го наверное — буду обратно <так> Ваша Ан. Чеб.» (Там же. Л. 9); письмо со штемпелем «Москва-9» и проставленной почтой датой «22 января» было доставлено, вероятно, вечером того же дня.

⁸⁰ В ответ на письмо-запрос Короленко 8 февраля 1916 года он не счел нужным скрывать свои чувства: «Для Сологуба борьба с антисемитизмом была просто одной из его поз <...>. Его участие в организации общества и предполагавшийся выбор его в комитет, действительно, придавали обществу нечто неприятное. Но во время организации общества он успел поспорить с Горьким, как-то ущемившим его самолюбие, в комитет его не выбрали и теперь по этому поводу предстоит третейский суд, в котором и мне, и Горнфельду придется принимать участие в качестве судей» (цит. по: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый. С. 488; комментарий М. Г. Петровой).

⁸¹ Цит. по: Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. С. 174.

⁸² Сологуб предложил подкрепить свои показания свидетельствами Л. Н. Андреева, В. Е. <Беклемишевой>-Копельман, Н. А. Тэффи, З. И. Гржебина, Вяч. Иванова; Познер указал со своей стороны Горького, А. М. Калмыкову и тех же Андреева и Гржебина (РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 11, 13); отдельно Сологуб упомянул, что ввиду его отъезда из города «все дополнительные объяснения» даст А. Н. Чеботаревская, «в точности знающая все эти обстоятельства» (Там же. Л. 14).

⁸³ На 29 февраля был назначен доклад Иванова «Байронизм как событие в жизни русского духа» в Петроградском «Обществе английского флага» (см. объявления: *День*. 1916. № 57. 28 февраля. С. 2; *Речь*. 1916. № 57. 28 февраля. С. 4; *Голос*. 1916. 28 февраля. № 116. С. 4); за неделю до этого Чеботаревская писала ему: «Дорогой Вячеслав Иванович, мы Вас ждем — 29 кажется В<а>ш<е> выступление, а 2го мы устраиваем вечер Метерлинка в небольшом помещении довольно интимно и безумно хотелось Вашего участия — хотя бы несколько слов о Метерлинке — черкните,

на какую тему» (письмо 21 февраля 1916 // РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 34 (дата по почтовому штемпелю). Приезд Иванова, по всей вероятности, не состоялся; 8 марта 1916 года В. Пяст писал М. М. Замятниной: «Я ожидал все время Вашего и Вячеслава Ивановича приезда в северную столицу, был на той лекции об “Английской литературе и России”, где был обещан его доклад <...>. Знаете ли, что доклад Вяч. Ив. читал Каратыгин, что было довольно пикантно? Но публика не наполняла зал городской думы, и собрание не было ярким» (РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 35. Л. 1–1 об.). О причинах неучастия В. И. можно лишь догадываться: в один из первых дней марта его дочери делали операцию и, вероятно, это задержало его в Москве (вопросы о здоровье Л. В. начинаются с 7-го числа: «Я очень беспокоюсь, как здоровье Лиды, как сошла операция и какое теперь ее положение» (письмо М. И. Балтрушайтис к М. М. Замятниной 7 марта 1916 // РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 2); «Как здоровье Лидии? Очень надеюсь, что она оправилась. Напишите ждть ли ее» (письмо В. В. Вульф к М. М. Замятниной 7 марта 1916 (в рукописи ошибочно: 6 февраля) // РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 31. Л. 2) и т.д.). Упоминаемый вечер Метерлинка, был, вероятно, перенесен на неделю позже: 7 марта 1916 года он прошел в Зале инженеров путей сообщения под эгидой художественного общества «Искусство для всех»; Сологуб читал на нем доклад «Проблема любви и смерти в произведениях Метерлинка» (см. программу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 56); Иванов в нем участия не принимал).

⁸⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 15. Л. 7–8. Здесь возникает некоторая логическая дисгармония. Конверт с письмом был опущен в Царском Селе 2 марта, а попал в Москву 4-го. Иванов в свидетельских показаниях, приведенных выше, упоминает, что у него в руках письмо оказалось только 5-го марта. Важно не забывать, что вторая половина этого дня для работы была почти потеряна: Иванов выступал с большой приветственной речью на вечере поэзии Брюсова (см. Переписка <Брюсова> с Вячеславом Ивановым. 1903 — 1923. Предисловие и публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследство. <Т. 85>. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 539–540). Учтывая, что суд был назначен на 6-е число, Иванов никаким образом не успевал представить на него свои показания, следовательно, работа над ними была лишена всякого практического смысла — в то же время из печатаемого ниже письма к Щеголеву (см. прим. 90) прямо следует, что текст был перебелен и вынесен на рассмотрение суда. Упав ли он на перенос даты суда или на то, что рассмотрение затянется? Рассчитывал ли изначально поспеть лишь ко второй сессии? Существовал ли некий гипотетический и скорый на подъем поверенный, отправившийся из Москвы в Петербург ночным поездом, чтобы огласить документ на заседании? Рассматривался ли вариант собственного блиц-визита? Пока этот вопрос остается открытым.

⁸⁵ Письмо Е. П. Пешковой и М. А. Пешкову 5 марта 1916 года // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Том двенадцатый. Письма. Январь 1916 — май 1919. М., 2006. С. 28

⁸⁶ Письмо 7 марта 1916 года (Леонид Андреев в эпоху империалистической войны. Предисловие и примечания Н. Любич // Залп. 1933. № 1. С. 72). *Русско-богатенькие* — Мякотин и Горнфельд, сотрудники журнала «Русское богатство».

⁸⁷ Струве Петр. Заметки писателя. 14 (25). Памяти Ф. К. Сологуба // Россия (Париж). 10 декабря 1927. № 16. С. 3. Очевидные ошибки памяти мемуариста (вроде отнесения суда к началу 1917, а не 1916 года) мы здесь не оговариваем.

⁸⁸ Комментаторы писем Горького считают, что заседание продолжалось четыре дня, с 6 по 9 марта (Горький М. Полное собрание сочинений. Том двенадцатый. С. 304); нам представляется более верным предположение, что 9 числа участники собрались во второй раз в уменьшенном составе (без Струве и Андреева) и по итогам дискуссии приняли решение, результативная часть которого позже попала в газеты: «В виду невозможности для некоторых членов третьей сессии суда между Ф. К. Сологубом и С. В. Познером продолжать посещение заседаний в ближайшее время,

в виду нежелания Ф. К. Сологуба откладывать дело до осени,

в виду неявки на заседание двух судей, приглашенных на третейский суд истцом,

в виду того, что оставшиеся считают свой состав недостаточным, наличный состав третейского суда постановил: рассмотрение дело в настоящем составе прекратить и самый суд считать несостоявшимся.

9 апреля 1916 г. Подлинное подписали: Н. Кареев,

А. Горнфельд, Р. Иванов-Разумник, П. Милюков, В. Мякотин»

(Разъяснение г. Познера // Утро России. 1916. 22 апреля.

№ 112. С. 2).

⁸⁹ Письмо 15 марта 1916 года // РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 35 об. (дата по почтовому штемпелю; из-за несовершенных письменных приборов текст почти нечитаем, отчего часть его реконструируется предположительно). Исполняя эту просьбу, Иванов отправил Щеголеву следующий текст:

«Дорогой Павел Елисеевич,

Я уже писал Н.И. Карееву, в дополнение к первоначальному показанию, подробности, относящиеся к переговорам 9 декабря, поскольку я случайно сделался невольным свидетелем происходившего. Думаю, что полезно будет подчеркнуть Вам отрицательную сторону этого дополнения: а именно, о выходе Ф.К. Сологуба из Общества я ничего не слышал в связи этих телефонных переговоров. Он ставил какие-то условия и сроки для их выполнения, т.е. говорил, что будет ждать до какого-то срока, прежде чем принять какое-то решение.

Крепко жму Вашу руку

Сердечно Вам преданный Вяч. Иванов» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 886–887.

Л. 2–2 об.; текст предоставлен Г. В. Обатниным, которому, пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность; письмо, очевидно, написано около 20-го марта 1916-го года; возможно, о факте его сочинения и отправке сообщалось в «незначительном по содержанию» письме Иванова к Сологубу от 25 марта 1916 года, опущенном при публикации основного корпуса эпистолярной литературы в 1976 году (см.: Вячеслав Иванов. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. Публикация А. В. Лаврова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 140).

⁹⁰ Незначительно различающиеся варианты этого письма были напечатаны в газетах «День» (1916. 18 апреля. № 105. С. 3) и «Биржевые ведомости» (1916. 18 апреля. № 15505. Утр. вып. С. 6); в «Утре России» (1916. № 110. 20 апреля. С. 6), где оно вышло под заглавием «Статья Н. А. Бердяева и «цензура»», текст сопровождался редакционным предисловием: ««В обществе изучения еврейской жизни» произошел типичный для наших нравов инцидент, закончившийся недоведенным до конца третейским судом. Суть этого инцидента хорошо охарактеризована в следующем «пись-

ме в редакцию» г. Ф. Сологуба». Обнародование этой истории вызвало массовое глумление антисемитски настроенной части общества, ср.:

«Наконец-то давление партийной цензуры прищемило наших распрогрессивных писателей!»

Федор Сологуб (Тетерников) закричал «караул» и потребовал «городового». Случай исторический. В сборнике об евреях, под названием *Щит*, г. Бердяев написал *что-то* об евреях. Уж, наверное, не очень черносотенное, ибо гг. Бердяев и Сологуб — прогрессисты в квадрате и в кубе. Два редактора сборника, Л. Андреев и Ф. Сологуб, статью Бердяева «приняли», но секретарь «Общества изучения еврейской жизни» Познер эту же статью «забраковал». И объявил, что она «не будет напечатана».

Сологуб и Андреев спросили:

— По каким мотивам?

Познер молчал. Тогда Сологуб сказал:

— Впредь до выяснения этого инцидента и его ликвидации я не могу посещать собрания Общества!

Познер отвечал:

— Этово, значит, что ви завсем переменили своего убеждений? Гут, зер гут!

И вычеркнул Сологуба *из числа членов Общества* (Неизвестный. Миниатюры // Московские ведомости. 1916. 21 апреля. № 91. С. 4).

⁹¹ См., например: Разъяснение г. Познера // Утро России. 1916. 22 апреля. № 112. С. 2. В этой публикации письмо Познера сопровождалось достаточно резким примечанием редакции, родственно связанной с просологубовской фракцией (фактический редактор «Утра России», А. Алексеевский, был женат на сестре Леонида Андреева): «В каком смысле разрешится этот вопрос — в сущности безразлично, но жаль, что третейский литературный суд не состоялся. Вероятно, он не побоялся бы вынести осуждение цензорским замашкам г. Горького, принимающим оскорбительный характер для репутации почтенных писателей».

⁹² См., в частности, в письме Познера Сологубу от 7 мая 1916 года: «Второе издание «Щита» также все распродано. Приступаем к печатанию третьего» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549. Л. 22).

⁹³ Подробности и контекст см.: Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х. Н. Бялика. С. 102–118.

⁹⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 24. Л. 1–2 (черновик). В хранящемся там же варианте фрагмент, относящийся к Горькому, звучит еще более резко: «Ведь после происшедших несогласий возможно предположить мало ли еще что: напр., уход или изгнание Сологуба, или новое и непредвиденное полицейское мероприятие Максима Горького против кого-нибудь из литературных товарищей, который оказался бы ему опасно независимым в своем образе мыслей» (Там же. Л. 3–4). Надо ли говорить, что отзыв Иванова о Горьком приобретает должествующее значение лишь в контексте их многолетних отношений, подробно исследованных высокочтимым юбиляром (см. прежде всего: Котрелев Н. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала «Беседа» // *Euro Orientalis*. 1995. XIV. 2. Р. 183–208; Котрелев Н. В. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким 2. Иванов в гостях у Горького, Сорренто, 1925 г. // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 562–609).

Елена Тахо-Годи

**Вяч. Иванов и его бакинские корреспонденты —
А. М. Евлахов и С. П. Семенов (Аргашев)**¹

«Вячеслав Иванов и Баку, кто из нас не пожимал плечами при таком сопоставлении» — писал Павел Муратов в очерке «Вячеслав Иванов в Риме»². Конечно, в Вечном городе «скворещниц вольных граждан» чувствовал себя гораздо уютней, но умел он, по словам Ф. Ф. Зелинский, «просвещать Атропотену в духе эллинизма и держать факел Диониса среди пылающих фонтанов Бакинской нефти»³. Годы профессорства Иванова в Бакинском государственном университете стали предметом синхронных дневниковых записей М. С. Альтмана⁴, позднейших воспоминаний как дочери поэта⁵, так и его бывших студентов, например, В. А. Мануйлова⁶. С научных позиций разработка этой темы впервые была предпринята Н. В. Котрелевым⁷. Наша публикация — маленький шаг в ее дальнейшем изучении.

Публикация состоит из двух разделов. В первый входят два письма Иванова 1923 г. к историку и теоретику литературы Александру Михайловичу Евлахову (1880, Одесса–1966, Ленинград) и письмо Евлахова к Иванову от 22 марта 1925 г.⁸ Неизвестно, встречались ли они когда-нибудь друг с другом, но в письмах Иванова очевидна личная заинтересованность в том, чтобы Евлахов согласился занять профессорское место в Бакинском университете. Думается, одна из причин, побуждавшая Иванова так усиленно приглашать Евлахова, заключалась в его отношении к «Исторической поэтике» Веселовского и формальному методу. Судя по сохранившимся конспектам, Иванов-лектор активно использовал идеи Веселовского⁹, применяя, как он писал В. М. Жирмунскому, в своем семинарии по поэтике